

ВАЛЕРИЙ СТОВБА

16+

**ХРОНИКИ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ**

Валерий Стомба
Хроники одного поколения

«Автор»

2020

Стовба В. Н.

Хроники одного поколения / В. Н. Стовба — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-92761-2

Автор более чем за тридцать лет прошел в журналистике путь от корреспондента до главного редактора ряда газет. За это время состоялись сотни встреч с известными и просто интересными людьми, делающими историю нашей страны. Поэтому все истории, хроники этой книги не выдуманы. Автор пишет только о том, что хорошо знает. Его интересуют не ходульные, правильные герои, а сильные личности с их неординарностью, обычными человеческими слабостями. Если вам интересно, что говорил Высоцкий, возвратившись из Парижа; как студенты играли в шахматы с Гаприндашвили на бутылку водки; чем живет остров Войцы; сказал ли Ельцин хоть слово на съезде НПСР; о чем горевал Матусовский; был ли Матросов комсомольцем — значит, эта книга вас заинтересует.

ISBN 978-5-532-92761-2

© Стовба В. Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. детство	6
Глава 2. природа	16
Глава 3. Великая Отечественная	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Стомба

Хроники одного поколения

Мне семьдесят. Около пятидесяти лет отдал журналистике. Жизнь наградила сотнями встреч с известными и просто интересными людьми. Не раз ставила перед выбором в ходе судьбоносных изменений в стране и за рубежом.

Я не писатель, но не могу не поделиться нажитыми впечатлениями. Так родилась книга «Хроники одного поколения». Именно хроники, которые, на мой взгляд, лучше всего характеризуют лицо моих сверстников. В них я не избегал мелочей, не совсем «правильного» выбора событий, проявления характеров. Ведь не бывает чистых героев или злодеев. Каждый человек многолик. Все мы разные

И еще. Я не мог не рассказать о некоторых страницах и моментах жизни известных людей, чтобы они не канули в безвестность.

Насколько мне все это удалось, пусть рассудит читатель.

2019 г.

Глава 1. детство

ОЛЕНЬИ РОГА

В каждой семье есть вещи, сувениры, которые напоминают ее лучшие времена, места проживания. Вот уже шестьдесят лет у меня на стене висят оленье рога. Они, как символ счастливого периода жизни на Чукотке.

А дело было так. Мы с Витькой Зяблицевым, тогда ученики четвертого класса, решили, став на лыжи, пройти около пяти километров до места заготовки для воинской части оленьего мяса. Руководил забоем наш с Виктором друг старший лейтенант Сабутай Меликов. Не одну зимнюю рыбалку просидели мы вместе на льду.

До места забоя дошли быстро и комфортно, чему способствовала безветренная погода. Дядя Саша (так мы называли Сабутая) встретил нас радушно. Угостил горячим чаем. С освешенных туш срезал несколько полос филе для передачи родителям.

Но для нас главным было занять ветвистые оленье рога. Офицер дал команду чукчанским животноводам.

– Выбирайте рога, – предложил дядя Саша. Мы недоуменно переглянулись. Дядя Саша разрешил нам выбрать оленей с понравившимися рогами и показать их чукчам. Мы так и поступили. Погонщики заарканили животных, завалили в снег. Оседлав их, острыми ножами пересекли на затылках жизненно важные нервы. По телам рогатых пробежала конвулсия, после чего чукчи профессиональными движениями перерезали оленям горла. На снег фонтаном брызнула кровь. Чукчи ловили ртом этот живой алый поток и жадно пили его.

Это был шокирующий удар по нашей психике. Такого жестокого обращения с животными мы еще не знали и не ожидали. Кстати, все увиденное не прошло бесследно. Как ни старался, с годами я так и не смог стать охотником. Не могу стрелять в живое существо.

Напившись крови, один из пастухов взял острый топорик и несколькими точными ударами отсек часть черепов с рогами. Так мы стали обладателями долгожданных сувениров.

Закинув рога за спины, двинулись к дому. Ветер заметно усилился. Пошел густой снег. Когда прошли около половины пути, видимость стала близка к нулю.

Спустя минут пятнадцать, остановились. Было неясно, в какую сторону идти. Я, неожиданно для себя, закричал: «Ого-го-го!» И свершилось чудо. Из-за пелены снега появился мой отец. Он избавил нас от поклажи и скомандовал следовать за ним. Через полчаса мы уже были дома, в тепле от загруженной углем печки.

Как оказалось, забеспокоившись нашим отсутствием, родители выяснили у младшего брата Витьки, что мы отправились за рогами. Отец Виктора пошел снаряжать из солдат небольшой спасательный отряд, а мой отец пошел нам навстречу.

Через неделю один из умельцев приторочил рога на деревянную основу, покрыл их лаком. В таком виде они и сегодня.

ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ

Кузов ГАЗ-63 с трудом вместил желающих для поездки на Горячие Ключи. За нашей машиной шла еще одна, в которой офицеры – любители рыбалки везли стопятидесятиметровый невод.

Через два часа пути между сопками перед нами открылась незабываемая картина: два овальных озера с бирюзовой водой.

Рыбаки повернули в сторону озер, а наш газон продолжил движение к Горячим Ключам. Вскоре мы были на месте.

Чукотский «курорт» представлял собой два одноэтажных деревянных гостевых домика и бассейн с «живой водой». Это небольшой, человек на пятнадцать, деревянный бассейн с огра-

дой из досок, высотой метра два. Через деревянные лотки сюда стекала вода из двух источников. Из одного – горячая сероводородная, из другого – чистейшая ледяная от тающих снегов на вершинах соседних сопок.

Первыми бассейн оккупировали женщины. Из-за его стен слышались плеск воды, смех, громкие голоса.

Мы, дети десяти–двенадцати лет, тем временем исследовали округу. В ручейке теплой сероводородной воды плавали маленькие рыбки с острыми колючками, торчащими в разные стороны от живота. Эксперименты, проведенные здесь же, показали, что в бутылках с обычной пресной водой рыбки гибнут. Холодной воды они тоже не переносили.

Интересно, а знают ли наши биологи о таком виде рыб? Существуют ли подобные в других районах мира?

Вскоре приехали рыбаки. Без рыбы. Неудачу объяснили невозможностью завести невод. Мешали нерпы, обитающие в обоих озерах. Мужчины привезли еще одну загадку: нерпы, в отличие от своих сородичей в море, жили здесь в пресной воде.

После женщин бассейн оккупировали мужчины. Как приятно было впервые за два года на Чукотке ощутить свое тело в теплой воде, вдыхая свежий вечерний воздух.

Пока мы купались, женщины расстелили на зеленой полянке захваченный с собой брезент. На нем расставили бутылки со спиртным, различные закуски из мяса, рыбы, пироги.

Ужин прошел весело, был сытным, а для взрослых – чуть-чуть хмельным.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Зимой, то ли в конце 1957, то ли в начале 1958 года, все немногочисленное население нашей воинской части, расположенной рядом с бухтой Провидения, среди ночи высыпало на улицу. И было отчего.

Вместо полярной ночи вокруг было необычно светло от света, льющегося с неба и отражающегося от чистого до голубизны снега.

Это был пир северного сияния. Такой его интенсивности, как позже пояснили ученые мужи в газетах и журналах, наше поколение не наблюдало.

Описать адекватно то, что происходило в небе над нами, просто невозможно. Представьте, что небо – тонкий сосуд с жидкостью, в которую чья-то властная рука подливала акварельные краски разных цветов. Они смешивались, обтекали друг друга, отражались на лицах зевак. Это было фантастическое буйство красок.

Глядя в лица взрослых мужчин и женщин, я видел, что их, как и меня, немного пугало это необычное явление. Как что-то фантазийное, за гранью реальности.

Продолжалось это чудо более двух часов. А его менее интенсивные отсветы были видны до рассвета.

«ХРИСТА РАДИ...»

В 1953 году отец был начальником штаба артиллерийского дивизиона. Мать работала библиотекарем в воинской части. Мне было шесть лет. Жили в Ворошилове Уссурийском в деревянном финском домике на четыре семьи.

То лето на Дальнем Востоке выдалось жарким. Двери в большинство квартир были распахнуты. Я читал в тенишке. Мама стирала.

Как-то тихо, незаметно к нам подошел странно одетый человек. На нем были свободные, заправленные в кирзовые сапоги, темные брюки. Сверху – затертый двубортный пиджак, надетый на белую косоворотку. А еще его отличали длинные не стриженные волосы и выструганная, до блеска вытертая руками, опорная палка. Чувствовалось, что человеку трудно идти. Видимо, болела поясница.

Остановившись около матери, мужчина перекрестился: «Храни вас Бог». И поклонился в сторону нашей квартиры.

– Я из заключения, отсидел много лет. Пытаюсь добраться до дома. Подай, хозяйюшка, сколько можешь, на дорогу, Христа ради.

Мать, будто извиняясь, объяснила бывшему зэку, что денег в доме нет. Муж подписался на государственные облигации на сумму двухмесячного оклада.

– Если хотите, могу накормить. Только что сварила суп.

Путник поблагодарил и, пройдя на кухню, сел за стол. Мать до краев налила самую большую глубокую тарелку. Положила в суп ложку сметаны и отрезала несколько больших краях черного хлеба.

Я с интересом наблюдал за неожиданным гостем. А тот, чувствовалось, был очень голоден, но ел медленно, с достоинством.

Закончив есть, мужчина поблагодарил маму, закурил и пошел дальше вдоль военного городка. Куда? Одному ему известной дорогой.

В течение нескольких следующих лет через Ворошилов Уссурийский прошли сотни, а может и тысячи бывших заключенных, освобожденных из дальневосточных лагерей в результате амнистий, начавшихся после смерти И. В. Сталина. Жители, чем могли, помогали им: кормили, делились деньгами.

Но не все освобожденные платили местному населению благодарностью. Среди них были не только политические, но и воры, бандиты, убийцы. Не часто, но время от времени появлялись слухи об убийствах, кражах, изнасилованиях со стороны освобожденных.

ИГРУШКИ

В начале пятидесятых мы жили в военном городке Ворошилова Уссурийского. Отец с утра до позднего вечера был на службе. Мама работала в библиотеке. Я еще не ходил в школу, а потому целыми днями был предоставлен самому себе. С шести лет, когда я постиг, благодаря маме, алфавит, начал читать сказки. А до того центром притяжения малышей были игрушки, счастливые обладатели которых – дети офицеров, побывавших во Владивостоке, Хабаровске. Именно оттуда привозили расписных деревянных коней на колесиках, футбольные мячи. Именно тогда начиналась эпидемия любительских футбольных матчей. Родители пришивали на наши майки игровые номера, пытались приобрести спортивные тапочки, вкапывали футбольные ворота.

Родители остро ощущали нехватку у нас игрушек. И, чем могли, компенсировали их отсутствие. Например, приезжая со стрельб в дальних лагерях, отец часто привозил дивно красивые перья из хвостов фазанов. Сразу же начинались игры в индейцев. Из-под наших головных повязок торчали перья-красавцы.

До конца своих дней буду помнить две игрушки, сделанные руками отца. Это подводная лодка из посылочной фанеры и деревянный поршневого самолет.

Доступ к ним был свободен для всех пацанов с нашей улицы. Ребята с других улиц были лишены возможности подержать эти игрушки в руках.

Парадокс в том, что, когда в магазинах появились яркие игрушки, притягивающие взгляды малышей. Мы с друзьями уже пошли в школу. У нас появились более серьезные увлечения. Выходит, мы выросли в период без игрушек. Может, поэтому многие мои сверстники с малолетства освоили принципы коллективных игр, стали профессиональными спортсменами. Может, именно тогда закладывались основы «Красной машины», победителей футбольных европейских первенств шестидесятых.

ЯШИН, МАТЕМАТИКА И КВН

В первой половине шестидесятых состоялся футбольный матч, аналогов которому к тому времени не было. В Англии встретились сборная Великобритании и сборная мира. В воротах последней был знаменитый Лев Яшин. Это событие в спортивной жизни транслировалось советским телевидением в неудобное рабочее время. У нас, пацанов из восьмых-девятых классов, в это время шли занятия.

Как быть? Как не пропустить матч? Мы со Славкой Вячеславовым выход из создавшегося положения нашли, к своему удивлению, быстро. Дело в том, что жил Слава в доме через дорогу от школы. Его отец – футбольный фанат – заранее одобрил наш план: удрать с математики и посмотреть матч у них дома. Тем более, он гарантировал, что его жены – парторга нашей школы – в это время дома не будет.

И вот наступил час истины. Мы втроем удобно расположились напротив допотопного телевизора «Верховина», следя за каждым движением наших футбольных кумиров. При счете 1:0 в пользу интернационала, после двух сейвов Яшина дверь в комнату открылась и вошел... директор нашей школы Вячеслав Леонидович. Мы со Славкой замерли в состоянии анабиоза. Что-то сейчас будет...

Положение спас отец Славы. Он в двух словах заверил директора, что пацаны, то есть мы, ни словом не обмолвятся о его отсутствии в школе в это время. А за детишек, влюбленных в футбол, он берет ответственность на себя. Такая формула примирения устраивала всех. Созерцание футбольного колдовства продолжалось вчетвером.

По результатам первого тайма сборная мира вела 2:0. Яшин уступил место в воротах югославу Шошкичу под оглушительные аплодисменты болельщиков. Кстати, после матча ему, как лучшему вратарю мира, была вручена легковая машина.

Вторая половина знаменитого матча для нас с директором завершилась минут через десять. Как англичане отыгрались, забив два мяча, мы уже не видели. Дело в том, что в квартире, ставшую просмотрным залом, неожиданно вошли Славина мама (парторг школы) и наш классный руководитель Дина Ефимовна. Парторг занялась директором, мягко упрекая его за антипедагогический поступок. А классная дама срывала на нас злость за то, что променяли ее любимую математику на пошлый футбол.

Короче, мы во главе с директором постыдно покинули проигранную территорию мирового спорта. Директор, переходя дорогу в сторону школы, развел руки, вздохнул и произнес, как бы оправдываясь: «Вот так-то, хлопцы...».

Через два года, будучи учащимся выпускного класса и капитаном школьной команды КВН, я зашел в кабинет Вячеслава Леонидовича, чтобы передать ему почетный диплом городского клуба КВН за второе место, занятое нами в районе. Поблагодарив в моем лице всех наших кавээновцев, директор улыбнулся:

– А все-таки не напрасно мы тогда посмотрели сборную мира с англичанами...

Я был польщен. Дело в том, что директор оказался в курсе наших кавээновских выступлений. Последнюю встречу мы выиграли благодаря вопросу, касавшемуся того знаменитого матча. Видимо, наши противники в тот год не рискнули пропустить уроки ради футбола.

– Да, Вячеслав Леонидович, мы тогда поступили правильно. Спасибо вам за ту игру.

– Конечно, – ответил директор. – Ведь у вас с Вячеславовым по математике «отлично».

РОЖДЕНИЕ РЫБАКА

В начале пятидесятых прошлого века для нас, мальцов, хорошая игрушка была редкостью. А потому отец в меру своих способностей делал из дерева для моих игр то подводную лодку, то самолет, то автомат. А в тот раз он начал мастерить что-то мне непонятное. В ближайшем заброшенном парке нашел два длинных деревянных хлыста, ошкурил их. Привязал к ним длинные прочные нити, приделал к ним по пробке, по крючку и по кусочку свинца.

– Это удочки. Завтра с ними пойдем ловить рыбу.

Жили мы в то время в Северном военном городке на окраине Уссурийска. А в пяти минутах от него протекала речка с китайским названием Суйфун. Не знаю, как она именуется сегодня, поскольку советская власть в свое время упорно переименовывала города, реки, местности, избавляясь от древних китайских названий. Так, например, город Сучан стал Партизанском.

На следующий день мы с отцом взяли удочки и пошли на первую в моей жизни рыбалку. Была безветренная солнечная погода. А потому батя был в офицерском галифе, сапогах и майке.

Чтобы дойти до речки, надо было пройти через КПП соседней воинской части. А иначе пришлось бы делать крюк километра в два. На КПП стоял вооруженный часовой. Внешний вид отца показался ему подозрительным. И он ни в какую не пропускал нас на территорию части. Требовал документы. Отец психанул. Началась перебранка, готовая перерасти в серьезный инцидент. Но нам повезло. К КПП своей части в это время подошел капитан, знавший моего родителя. Он и провел нас.

Через пять минут мы были на берегу Суйфуна. Батя снарядил и закинул удочки. Одну дал мне в руки, объяснив, как понять, когда клюет рыба. Я не следил за поплавком. Мне было интересно все вокруг. Журчащая вода, соседи – рыбаки, пустая литровая банка, в которую отец зачем-то набрал воды, хлыст удочки, которым можно было вычерчивать на воде разные узоры.

А тем временем отец одну за другой поймал двух небольших рыбешек с голубым отливом. Они поселились в той самой банке, тычась губами в невидимое для них стекло.

Когда батя выудил третью рыбку, то был безмерно удивлен. Двух первых в банке не было. В ответ на его недоуменный взгляд я признался, что съел их – они такие, красивые и вкусные. Зачем я это сделал, до сих пор не могу себе объяснить. Лицо отца посерело от этого известия. Он, казалось, даже постарел.

На этом моя первая рыбалка закончилась. Отец быстро смотал удочки и ускоренным шагом привел меня домой.

Мама, узнав в чем дело, рассмеялась:

– Не переживай ты, – обратилась она к отцу, – ничего с ним не случится.

И добавила:

– Теперь он точно рыбаком будет.

Как в воду смотрела мать. За свою жизнь я рыбачил на Дальнем Востоке, Чукотке, Украине, в новгородском Ильмене. А кроме того в Черном, Средиземном, Японском, Ионическом, Адриатическом морях. Делал это с удовольствием, забывая обо всем на свете. Где бы я ни жил, везде на столе была свежая рыба.

КОРЮШКА

Одна из батарей артиллерийского дивизиона, командиром которого был мой отец, в течение двух суток проводила учебные стрельбы недалеко от военного городка. За обедом отец рассказал, что в бухте, где проводились стрельбы, корюшка начала метать икру. Солдаты наловили ее килограммов двадцать.

Этой новостью я поспешил поделиться с моими друзьями Витькой Зяблицевым и Генкой Виноградовым. Срочно изготовили два сачка. Вместо мешка под рыбу увели у моих родителей большую наволочку. Выход назначили на следующее утро.

Покинули поселок где-то в восемь утра. Солнце уже вышло из-за вершины сопки. Через час проходили мимо складских территорий с колючей проволокой и охраной по периметру. Часовые для видимости прокричали положенное «Стой!», «Стой. Стрелять буду!» Но до выстрелов не дошло. Мы в часовых узнали солдат нашего дивизиона. Они в нас – детей своих отцов–командиров. Еще через полчаса пришли в заветную бухту.

Нам предстала следующая картина. Двадцатиметровые скалы стеной отделяли узкую полосу галечного пляжа от суши. В одном месте пляжа между галькой лежали метров двадцать песка. Именно на этом узком участке морская вода просто кипела от мелкой рыбешки, выскакивавшей из воды на песок, чтобы оставить здесь икру для продления рода. В воздухе стоял запах свежих огурцов – так пахла корюшка.

Приготовленные нами сачки не подошли. Рыба, проскакивала сквозь великоватую ячею. Что делать? Проворнее других оказался Генка. Снял шаровары, завязал клошенины и начал таким вновь изобретенным орудием лова вытаскивать на берег заветную корюшку.

Примеру друга последовали и мы с Витькой. Наволочку полностью набили рыбешкой где-то минут за сорок. Рыба, которую выловили, перемешалась с песком. Очень неудобно было нести наволочку, наполненную рыбой.

С трудом, но с задачей этой справились, принесли корюшку домой. Отмыли ее от песка. Лишнюю рыбу родители презентовали соседям. К вечеру по всему поселку ощущался характерный запах жареной корюшки.

ШАХМАТНАЯ «ШКОЛА»

В 1954–1956 годах мы жили по месту службы отца в небольшом дальневосточном поселке Гродеково. Офицеры с семьями занимали несколько двухэтажных домов возле железнодорожной станции. Остальной поселок – частный сектор. Рядом с вокзалом тянулась улочка, на которой были сконцентрированы торговые точки. В начале ее располагалась парикмахерская. Это рабочий зал, хозяином которого был старый еврей, и комната для ожидающих. Еврей был не просто хорошим мастером прически, но и страстным любителем шахмат. Поэтому в комнате для отдыхающих на отдельном столике располагалась расставленная для игры партия шахмат. Играл ли в них хозяин парикмахерской и его клиенты, я не знаю. Не видел. А вот мы с Егором частенько просиживали здесь часами. Сначала просто трогали фигуры руками, беспорядочно переставляли их, придумывали свои правила игры. С неделю парикмахер наблюдал за нами и, видимо, понял, что наш интерес к шахматам не угасает. А потому начал постепенно обучать ходам различных фигур, их возможностям, простейшим дебютным построениям. Короче, в течение лета мы с Егоркой научились играть в шахматы, доводя каждую партию до конца без нарушения правил.

Порой, когда не было клиентов, к нам присоединялся сам парикмахер. Правда, он не играл с нами, а просто сидел рядом и по очереди подсказывал наиболее эффективные ходы.

В конце лета отца перевели на Чукотку. Так прекратилась для меня шахматная практика на целых два года. И только в 1959 году, на Украине, я оказался в крепкой шахматной секции местного Дома пионеров. Изучил «Дебюты» Панова, лучшие партии прошлых чемпионов мира, покупал шахматную периодику. Все это позволило мне войти в сборную школы и завоевать командное первенство района в Кривом Роге.

За мои шахматные успехи и вообще за глубокий интерес к этой игре я с благодарностью вспоминаю еврея-парикмахера из Гродеково. К моему стыду, даже не знаю, как его звали.

ВОЛЧОК И ЕГО СТАЯ

Ясная Поляна – место, где расположилась воинская часть на подступах к бухте Провидения и летной воинской части Урелики. Любая собачья упряжка по пути к магазинам райцентра не может проехать, минуя наш поселок. Сколько забавных и трагических историй наблюдали мы при проезде чукчанских упряжек.

То с проезжающей упряжки в обмен на бутылку спирта предложат унты из оленьей шкуры, расшитые бисером; то – моржовый клык с вырезанными на нем сценами охоты, рыбалки. А однажды рядом с нашим домом остановились сразу три упряжки. Каюры двух из них покинули сани и железными ломанами, которыми управляют собаками, стали избивать

своего попутчика. И пока солдаты добежали до упряжек, разняли чукчей, один из них умер от побоев, залит кровью снег. Подоспевшие офицеры выяснили, что погибший был вором. По традициям местного населения за это преступление необходимо лишать жизни. Ворам не место под солнцем, даже если, как в том случае, он украл лишь коробок спичек.

В тот день случилось практически невероятное. От упряжки отстала молодая ездовая лайка серебристого окраса. А невероятным событие стало потому, что самое дорогое, чем владеют чукчи, – ездовые собаки. Одним словом, собака осталась в поселке.

Мы, пацаны и девчонки восьми–двенадцати лет, были безмерно рады появлению лайки. Все наперебой стали подкармливать собаку. Уже на следующий день она получила имя Волчок.

В течение нескольких месяцев жители поселка по установленной очереди кормили это серебристое чудо. И вдруг собака пропала. Ее никто не видел в течение двух суток. «Может, убежала назад к чукчам?» – рассуждали мы.

Но вот однажды, чуть поднявшись на сопку до каких-то незавершенных строений из камня, мы были ошарашены. В закутке, куда не залетал снег, на грязных, неведомо, когда и кем закинутых сюда тряпках, свернувшись клубком, лежал нашедшийся Волчок. А из-под него выглядывали шесть симпатичных мордашек только что родившихся щенков.

С воплями радости мы побежали к поселку, сообщив новость родителям и собирая контрибуцию в пользу новой семьи животных в качестве мясных и рыбных консервов. Их выдавали военнослужащим в пайках. Они не пользовались спросом, а потому в загашниках их количество росло.

А еще через месяц стайка из шести разномастных и потерявших свою родословную щенков во главе с Волчком (надо же было нам так грубо ошибиться) чувствовали себя чуть ли не хозяевами поселка, и это соответствовало реалиям – их полюбили все.

Надо заметить, что еще до появления Волчка в Ясной Поляне концентрировались подкармливаемые жителями бездомные собаки и домашняя такса – любимица снабженца дивизиона Фридмана.

Эта история завершилась трагически. Как выяснилось, несколько собак поймали где-то лишай. Спустя некоторое время, количество заболевших собак возросло. Лечить их было нечем и некому.

Во избежание эпидемии, в дивизионе отдали приказ отстрелить бездомных животных. Поселок изо дня в день стал обходить старшина с малокалиберной винтовкой. Число собак стремительно уменьшалось. Но процесс затянулся на несколько недель. А все потому, что, почуяв смертельную опасность, собаки стали прятаться от старшины. Им помогали и мы. Пряча и подкармливая животных. Но конец этому все же наступил. Последней пала такса снабженца Дружок.

Невозможно было привыкнуть к тишине, не нарушаемой дружным лаем веселой стаи во главе с Волчком.

ЦЕНА РЕЛЬСА

Дальний Восток, 1955 год. Я учился во втором классе Гродековской школы. Учительница задержала нас после занятий и поведала о той важной роли, которую играет в жизни страны сбор металлического лома. Здесь же нам было предложено в свободное от учебы время заняться этим важным делом и сдавать металлолом организации, занимающейся его сбором и переработкой. Было организовано социалистическое соревнование между классами.

На следующий день, после занятий, я и два моих хороших товарища вышли на поиск важного для страны сырья. Поиск не затянулся: в районе железнодорожной станции нашли кусок забытой кем-то рельсы. Привязав к ней за отверстие захваченную из дома веревку, потянули очень тяжелый для нас кусок металла в сторону принимающей организации.

В течение часа, с остановками на отдых, мы-таки дотянули железяку по адресу. Долго искали, кто бы мог принять у нас «бесценный» груз. Видимо, надоели всем работникам до того, что заведующий пунктом наконец-то вышел к нам. В ответ на просьбы принять металл, показывал рукой на входные ворота, мол, убирайтесь со своей железякой. Пришлось сказать, что мы пожалуемся в школе. Такой выход, видимо, его не устраивал. Рабочие бросили наш рельс в общую кучу металла.

– Все, ребята, до свидания, – попытался отделаться от нас заведующий.

Не тут-то было. В школе нас научили требовать квитанции за сданное сырье. Дальнейшие переговоры заняли еще с полчаса. Закончились тем, что начальник со злобой бросил нам три рубля: «катитесь, разговор окончен».

Для нас трешка была большими деньгами. Мы уже знали, что бутылка водки стоила два восемьдесят семь.

На следующий день заработанную с таким трудом трешку мы передали учительнице. Та широко раскрыла глаза и спросила: «А где же квитанция?» Рассказ в ролях о наших приключениях занял длительное время. Она пыталась отправить нас назад в приемный пункт за квитанцией. Мы категорически отказались. Не хотели подвергать себя повторным унижениям.

Наш опыт стал известен всей школе. И как не убеждали нас преподаватели, больше металлом никто не собирал. Так провалилось мое первое в жизни соцсоревнование.

РУЧЕЙ СПИРТОВЫЙ

Парадокс. Несмотря на то, что среди офицеров были классные рыбаки, каждый раз соревнование по ловле рыбы удочками со льда выигрывали мы, пацаны. Среди женщин нашего военного городка ходили легенды и байки, почему среди их мужей нет удачливых рыбаков.

Суть этого парадокса мы, пацаны, поняли уже потом, став взрослее. А происходило все так.

На рыбалку выходили, начиная с конца мая, когда лед разрезали первые трещины, часов в пять-шесть утра. На Чукотке в это время года солнце практически не заходило. Так повелось, что лучшие места для ловли бычков, наваги, камбалы были около небольшого деревянного мостика по дороге к поселку Провидения. Мы, пацаны, приняли это на веру, даже не пытались проверить на практике.

Подходя к заветному месту, мы сразу же спешили на лед, к трещинам, расширяя их легкими баграми до состояния округлой лунки, через которую беспрепятственно проходила большая рыба. И начинался лов.

А офицеры в это время не спеша располагались вокруг родничка с чистой холодной водой, стекающей с заснеженной вершины соседней сопки. Каждый из них не спеша доставал приготовленный дома «тормозок», который, в основном, содержал черный хлеб, тушенку, вареное оленья мясо, маринованные венгерские огурчики. А кроме того, каждый имел персональный пузырь питьевого спирта. У кого его объем занимал дежурные 100 граммов, у кого – 200, а у некоторых пол-литровая бутылка из магазина. Почему спирт? В конце пятидесятых годов прошлого века из спиртных напитков в продаже на Чукотке были только питьевой спирт и шампанское. Невелик выбор.

И в очередной раз команда молодых рыбаков победила своих старших товарищей, вновь давая повод женщинам отпустить, как всегда, нецензурные шутки в адрес мужей. А последние были благодарны нам, пацанам, за то, что как военную тайну хранили секретное название прирдного источника «Ручей Спиртовый».

НЕХОДОВОЙ ТОВАР

Мы, пацаны, заканчивали выкапывать в снегу, по крышу завалившему одноэтажный дом, тоннель. Обсуждали, как использовать его в наших играх. Взрослые одобряли наши забавы, поскольку тоннель позволял солнцу пробиться внутрь здания.

От этой увлекательной деятельности меня неожиданно оторвала мама:

– Валера, возьми банку, деньги и сбегай в магазин.

Оказалось, что вечером к нам придут гости. На праздничном столе, как показалось маме, не хватало красной икры. За ней она меня и отсылала в магазин.

Через пятнадцать минут я уже стоял у прилавка гарнизонного магазина.

– Что тебе, Валерий? – поинтересовалась продавщица, наша соседка по дому.

– Мне, тетя Надя, банку икры.

Та скривилась, будто обнаружила на своем халате нечто отвратительное:

– Давай банку.

За прилавком на полу стояла бочка с красной икрой. Северяне давно уже научились солить икру дома из пойманной кеты. А потому в магазине икра востребовалась очень редко. Сверху в бочонке она сохлась, стала похожа на пастилу. Большим металлическим черпаком с деревянной ручкой тетя Надя с трудом пробила верхний слой, чтобы добраться до нормальной икры. Затем взяла большую ложку и, как из пробуренной лунки, набирала ею икру в мою банку.

За это время в магазине образовалась небольшая очередь. Люди с неодобрением следили за нашими с продавщицей действиями, оценивая, сколько лишнего времени придется затратить на покупки.

Кто-то даже буркнул: «Нашли время...»

Наконец продавщица взвесила банку с икрой, я расплатился и вышел из магазина. Литровая банка икры стоила меньше, чем бутылка шампанского.

Говорят, что мы в те годы хуже жили. Да, это так. Но те продукты, которые производились в Союзе, имели минимальные цены. Предельно дешевыми были морская капуста, рыба, крабы, икра, хлеб, пиво – этот перечень можно продолжать и продолжать.

Почему сегодня мы не пользуемся накопленным в те далекие годы опытом?

АРБУЗЫ НА ЗАВТРАК

Один из летних месяцев мать, отец и я проводили в гостях у деда и бабушки в бывшем райцентре, а ныне селе Котовка Днепропетровской области. Это родина отца и его многочисленных братьев. Котовка знаменита тем, что в царские времена принадлежала пану Энгельгардту – тому, кто выкупил Тараса Шевченко из крепостной зависимости.

Но нас привлекал в Котовку не исторический экскурс, а Лиман – большое чистое озеро среди сосновой рощи. Лучшего отдыха не придумать.

Половина дедовского дома принадлежала ему с бабушкой. А вторая половина – брату папы дяде Грише. Его сын Григорий был моим двоюродным братом.

Мы сдружились. Благодаря широкому кругу знакомств Гриши среди местных ребят нередко попадали в критические положения, порой, соседствующие с нарушениями закона. На этот раз брат уговорил меня принять участие в ночной вылазке местной шпаны на колхозную бахчу – к тому времени арбузы уже поспели.

До поля бахчевых добрались сравнительно быстро – минут за сорок. Хлопцы предупредили, что у сторожа баштана ружье заряжено солью. Это частенько помогало сохранить колхозную собственность.

Арбузы выбрали быстро – каждый взял по паре полосатых. Забыв об осторожности, громко разговаривая стали выходить с поля. И вдруг неожиданно в ночи раздался голос сторожа: «Кидай кавуны. Стрилятьему!» Хлопцы, как по команде, побросали арбузы и что есть мочи побежали с «поля боя». Так же поступил и Гришка. Я рассудил иначе: стоило столько пройти среди ночи, чтобы вернуться домой без добычи? Эта мысль пересилила страх, и я ковы-

лял за местной братвой последним, поскольку под рубашкой, заправленной в брюки, нес два солидных арбуза.

Раздались два выстрела. В это время мы продирались сквозь лесопосадку. Меня легко, но колюче что-то толкнуло в бок. «Напоролся на ветку», – подумал я. А потому продолжал бежать с арбузами. Гришка, хитрюга, заметив, что арбузы только у меня, предложил свою помощь. Мол, и мы пахали.

Минут через пять я почувствовал нестерпимое жжение в боку. Поделился опасениями с братом. Тот, уже опытный в таких делах, однозначно заявил: «Это соль из ружья сторожа». Способ избавиться от боли один – отмокать.

Лиман уже рядом поблескивал своим левитановским ночным серебром. Гриша сел на берегу, рядом с арбузами, а я, раздевшись, зашел в воду по шею, медленно массируя место, куда внедрилась соль. Так продолжалось около двух часов, пока боль почти не затихла.

Зайдя в родной двор, по совету брата мы опустили арбузы в холодную воду глубокого колодца.

Утром, за завтраком, все хвалили нас с братом за холодные арбузы за столом. Гришка скромно улыбался, принимая хвалу на свой счет. А я все время пытался выйти из-за стола, чтобы не портить завтрак семьи своим ужасным насморком. Как говорится – каждому свое. Кому вкусные арбузы, кому хвала за доставленное удовольствие. А кому хворь, заработанная в ходе ночного набега.

Глава 2. природа

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ РЫБАЛКИ

С водой шутить нельзя. Это мне не раз доказал древний Ильмень. До встречи с ним я не мог понять, отчего столько людей, в том числе и моих знакомых, тонут, не будучи под воздействием спиртного, в тихую летнюю пору.

Случай первый. Он произошел в устье Шелони у деревни Голино. В мягкую, почти безветренную сентябрьскую погоду. Мы с женой, увлеченные ловом окуней и щучек на спиннинг, вышли на середину реки, постепенно расширяющейся и переходящей в озеро Ильмень.

Снявшись в очередной раз с якоря, я попытался спиной вперед сесть на среднюю лавочку. Промахнувшись, рефлекторно схватился за весла. Они выскочили из уключин и поплыли по воде. Жена ошалело следила за моими движениями.

Пока мы приходили в себя, весла все дальше уходили по течению от лодки. Я разделся и скользнул в воду. Тело обожгло холодом. Быстро настиг весла и попытался с ними догнать лодку. Ан нет! Ветерок гнал лодку в Ильмень быстрее, чем я плыл с веслами. Поняв тщетность собственных усилий, попросил жену сбросить в воду якорь. Оказалось, что глубина воды в этом месте Шелони превышала длину якорной веревки. Догнать лодку я по-прежнему не мог. Тело все больше сводило холодом. Пришлось оставить одно весло, а с другим догонять лодку. На пределе усилий я, наконец, схватился рукой за борт плоскодонки. Отдышавшись, с трудом перекинул тело через борт.

Подняв якорь и управляя плавсредством одним веслом, минут через десять удалось поймать и второе.

За время моей сумбурной борьбы за выживаемость, нашу плоскодонку вынесло течением в открытое озеро. Вернувшись в рыбные места Шелони, мы не ощутили прежнего желания и азарта рыбалки.

– Слава Богу, – произнесла жена, – что все закончилось благополучно.

« « «

Второй случай произошел со мной возле острова Войцы, на котором располагается наша дача. Я заплыл на своей «Пелле» километра на полтора от острова. Нашел в травке на мели окуня и стал рыбачить.

Солнце, еще недавно обжигавшее обнаженные руки, постепенно скрылось в набегающих тучах. Подул легкий ветерок. Я понимал, что приближается гроза, но, как назло, окунь стал брать еще интенсивнее. Что ни заброс спиннинга – один-два пойманных окуня. Так продолжалось до тех пор, пока не разыгрался ветерок покруче.

Вытащив якорь, я приналег на весла. Ветер, крепчая, начал сбивать лодку с курса. Мелькнула молния. Ударили первые раскаты грома. Не более чем через пару минут ветер достиг максимума, нагнав волны высотой не менее двух метров. Они уносили мою лодку мимо острова. Молнии били то справа, то слева, то ближе, то дальше от лодки. Просто чудо, что они выбирали мишени, помимо моей «Пеллы».

Со стихией боролся более часа, пока остров не закрыл меня от прямых порывов ветра. Причалив к берегу, долго сидел в лодке, отдыхая после немыслимой для меня борьбы со стихией.

Не радовали даже те многочисленные окуни, которых поймал накануне грозы.

« « «

И совсем уж неожиданный случай. Ранняя весна, очередная рыбалка со спиннингом на родной «Пелле». Хищник не брал. Приходилось часто менять места забросов, каждый раз сбрасывая якорь, чтобы ветерок не сносил лодку.

Попытавшись в очередной раз сменить место лова, начал поднимать якорь. С беспокойством ощутил, что он намертво зацепился за кочку, вросшую в почву десятками корней. Пределно натягивал капроновый шнур, на котором держится якорь. Бесполезно. Развязать узел на носу лодки не получилось. Нож я с собой на рыбалку не взял. Оставить лодку и плыть к берегу не позволяла холодная после морозной ночи вода. Я бы не продержался на поверхности более пяти минут.

Финиш.

Я просидел в заякоренной лодке часа два, пока рядом не появилась моторка с двумя мужиками. Я закричал и скрестил руки, обозначив, что со мной произошло что-то неординарное.

Слава Богу, мужики поняли, что я в опасности. Заглушили мотор и подплыли ко мне. Узнав, в чем дело, намотали часть якорной веревки на уключину своей «Казанки» и включили мотор. Веревка напряглась и через мгновение якорь оторвался ото дна. Я мог плыть дальше.

« « «

Еще раз хочу предупредить читателей, любящих рыбалку. Вода не прощает легкомыслия, небрежности. Тщательно готовьтесь к каждому выходу на воду.

КРАБЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В 1995 году, в составе новгородской делегации, мы выехали в Видяево Мурманской области, чтобы обсудить с командованием бригады подводных лодок детали присвоения одной из субмарин имени «Великий Новгород».

В ходе визита нас принимали командир лодки-соискателя названия «Великий Новгород» Мельников, командир ядерной подлодки «Кострома» одессит Соколов.

Именно он презентовал на обед, кроме кулинарных изысков кока, огромного камчатского краба. Чтобы его щупальца не спадали с огромного круглого блюда, их привязали суровыми нитками к панцирю. Выпивая, обсуждая развал, происходивший в то время в армии, задержки зарплат, мы постепенно и с удовольствием поедали камчатского богатыря.

Заметив, с каким удовольствием мы справляемся с его подарком, капитан первого ранга поведал нам оригинальную историю.

Несколько лет назад «Кострома» приняла участие в учениях и оказалась в бухте Петропавловска-Камчатского. Отдохнув несколько дней, экипаж готовился к выходу в море. К Соколову подошли два офицера: «Разрешите обратиться...»

Оказалось, что они по первому образованию биологи. Просят разрешения разместить в лодке аквариум средней величины с несколькими камчатскими крабами.

– Хотим, товарищ капитан первого ранга, перевезти их в Видяево и выпустить в нашу Ура-Губу. Представляете, будем есть собственных крабов.

Как потом для меня стало ясно, склонный к авантюрам Соколов взял ответственность на себя, разрешив перевезти живой груз.

Спустя некоторое время, офицеры-биологи втихаря, чтобы не подвести командира, выпустили крабов в Ура-Губу, где швартовались подводные лодки. Глубина здесь достигает ста пятидесяти метров.

Прошло несколько лет. На «Костроме» уже забыли о проведенном эксперименте. Забыли все, кроме офицеров-биологов. Соорудив краболовки, они спустили их на дно. Подняли через несколько дней. В одной краболовке сидел настоящий камчатский краб.

О результате эксперимента доложили Соколову. Какое-то время крабов пользовали только на «Костроме». Затем слухи разошлись по всему Видяево. «Камчадалов» попробовали еще на нескольких кораблях.

Но эта идиллия продолжалась недолго. С очередным пойманным крабом рыбинспекции попался один из биологов с «Костромы». Никакие уговоры на счет того, что он «отец-производитель» этих крабов в Ура-Губе, не помогли. Был выписан первый штраф за браконьерство.

– Краб, которого вы едите, браконьерский, – сообщил в конце рассказа Соколов. – Так что не особенно об этом распространяйтесь.

Благодарностью с нашей стороны за выставленный деликатес на обеденном столе стояла двухлитровая бутылка фирменной «Новгородской» водки.

ЛЕЩ

Голино весной – раздолье для рыбака. Холодная еще в начале мая, поднявшаяся от ставшего снега вода затопила привычные летом пляжи, острова в устье Шелони. Их обозначали только начинающие зеленеть вершины кустов в человеческий рост. Именно здесь мы с Валерой и рыбачили, взяв напрокат две деревянные плоскодонки.

С прокатом лодок был напряг: желающих порыбачить здесь в выходные много, а плавсредств, как выражался директор охотничьего хозяйства Александр Иванович, всего десять. Но для нас, двух журналистов из областного центра, это не проблема. Достаточно было телефонного звонка, чтобы Александр Иванович отказал кому угодно, оставив пару самых сухих лодок в наше распоряжение. Такое отношение к нам не было случайным. Около года назад я опубликовал очерк о том, как под руководством егеря сельчане спасли тонущего лося. А с Валерой они стали закадычными друзьями еще с первой их встречи, когда, знакомясь, Александр Иванович протянул ему руку и представился: «Хамов».

Валера в ответ пожал руку:

– Неужин

Стоявшие рядом рыбаки разразились несдерживаемым смехом, еще не сообразив, что через десяток минут лодок для них не окажется, мол, надо предупреждать заранее. А между Валерой и егерем с тех пор возникла крепкая дружба, замешанная, как я понимаю, на родственности их неблагозвучных фамилий.

Так вот, в ту майскую субботу конца семидесятых мы проснулись в охотничьем домике чуть свет и, ежась от холода, загрузили в лодки свой небогатый рыболовецкий скарб. Через полчаса были на месте, приторочив лодки с двух сторон широко разросшегося куста. Здесь было хорошо тем, что, не видя друг друга сквозь липкую майскую зелень ивняка, мы могли вполголоса переговариваться, протянув руку, передать флягу с горячительной жидкостью, а то и замурлыкать вместе любимую песню. Но главное, что клев в этом месте протоки был немислимо великолепным. Однажды я поймал здесь на удочку столько рыбы, что лямки моего рюкзака не выдержали и лопнули под ее весом. Если бы вы знали, какого труда стоило мне тогда доставить ее домой.

Рыбалка, я вам скажу, занятие для избранных. Это не отдых, а удовольствие от профессионально выполняемой нелегкой работы. Не верите? Загляните в лучащиеся счастьем или тоской (в зависимости от улова) глаза изможденного за день любителя клева. Только он знает, сколько пришлось сменить мест, сколько километров прогребсти в неуклюжей резинке, сколько часов подряд высидеть, почти не шевелясь, в неудобной позе. Зато какое удовольствие выудить рыбу весом в полтора – два килограмма.

Но самый большой кайф даже не в весе или количестве улова, а в тех увлеченных разговорах, которые происходят во время ожидания автобуса по маршруту к дому. В тех незлобивых шутках, которые отпускаются в адрес неудачника. В тех профессиональных советах, которые дорогого стоят и которые нигде больше не дадут. В тех небылицах, которые передаются из поколения в поколение рыбаков.

До той майской субботы я был глубоко уверен, что все замысловатые, несуразные, смешные истории про рыбалку – плод фантазии ее участников, готовых повеселить усталых товари-

щей по ремеслу. Однако... Клев был отменный. Металлический садок быстро заполнялся пойманной рыбой: твердые полосатые окуньки, юркая плотва, плоская малоподвижная густера. Уже по движению поплавок было понятно, какая рыба заинтересовалась насадкой на крючке твоей удочки. Окунь практически сразу мощно топил поплавок. Плотва выдавала себя частым подергиванием гусяного пера. А подлещик клал его горизонтально на поверхность воды и как бы робко подергивал.

Параллельно я прислушивался к тому, что происходит у Валерия, лодка которого была закрыта от меня кустом ивняка. По всему было понятно, что у него тоже дела идут неплохо – погода в тот день нас не подвела.

Вдруг меня насторожили звуки, идущие со стороны Валерия – я даже перестал следить за своим поплавком: учащенное дыхание, даже пофыркивание, плеск воды и, наконец, волны из-за куста от потерявшей устойчивость лодки соседа.

– Валер, что там у тебя?

В ответ какой-то глухой от волнения голос:

– Подожди.

– Ну, так что там у тебя? – с нетерпением переспросил я, выждав какое-то время.

– Лещ...

«Подумаешь невидаль – лещ. Что, мы лещей не видели, что ли», – про себя усмехнулся я, теряя интерес.

– Лещ, – продолжал Валерка, – каких я не только не ловил, но и не вылавывал...

По его взволнованно-торжественному тону я понял – не врет. Заиграло любопытство, изнутри подступила рыбацкая зависть: «Эх, не мне повезло!»

Скрывая за наигранным спокойствием всю гамму своих чувств, я попросил:

– Валер, покажи.

Он перешел в корму лодки так, что стал виден мне, крепко держащий за жабры на вытянутой руке огромную рыбу. Это был не лещ, а сказка: темный от старости абориген местных водоемов с, казалось бы, покрытым мхом пузом весил, на первый взгляд, не менее двух-трех килограммов. Было даже заметно, как Валерию тяжело держать его на вытянутой руке. Мне было непонятно, как хлипкие, не рассчитанные на подобную рыбу, снасти напарника выдержали такой живой вес. Валерка упивался гордостью за выловленный экземпляр и моим удрученно-завистливым взглядом. Это был его момент истины. Своим видом он как бы говорил: «Сколько лет ни старайся, а подобной добычи у тебя никогда не будет. Это удел немногих».

Немая сцена из гоголевского «Ревизора» длилась недолго: лещ, у которого, видимо, раскалывалась голова от Валеркиной хватки, как-то вяло, из последних сил, встрепенулся, повел туда – сюда хвостом и... выскользнув из рук рыбака, упал мимо лодки в воду. Жаль, что никто со стороны не видел выражений наших лиц. Забыв о зависти, я с ужасом осознал потерю небывалого рыбацкого трофея. В то же время в моих глазах, думаю, все еще теплилась надежда на чудо: вдруг Валерка проворно подхватит сачком упавшего в воду леща. А тот плашмя лежал на поверхности спокойной воды, жадно втягивая сквозь помятые рыбаком жабры родную Ильменскую воду. Затем, как бы пробуя силы, шевельнулся и медленно, так же плашмя, ушел вглубь.

На моего тезку страшно было смотреть. Он ощутил неотвратимость потери, но еще не до конца ее осознал, попеременно глядя то на меня, то на то место в воде, где еще несколько секунд назад был виден лещ. Это состояние длилось у него не менее двадцати – тридцати секунд. Затем, видимо, горечь утраты стала для него реальностью. Такого отборного многослойного мата я никогда с тех пор не слышал, тем более от человека, в свое время закончившего Литературный институт. Это был шедевр, сравнимый, разве, с немой, однако очень выразительной сценой с великим Ульяновым из фильма «Председатель».

Излив душу перед природой и кажущимся для него ее несовершенством, Валера поднял на меня мутные от пережитого глаза и, как я понял, нашел объект, на который можно со спокойной душой переложить ответственность за свою неловкость. Конечно, это был я.

Презрительно сморщив лицо и сконцентрировав во взгляде предельные презрение и ненависть ко мне, он развел руки в стороны, чуть присел на полусогнутых ногах, будто хотел нырнуть, и дважды хрипло, с надрывом передразнил меня:

– Покажи!.. Покажи!..

Мы еще двое суток вместе были на рыбалке, но заговорил Валерий со мной только спустя неделю, да и то по производственной необходимости.

СОХРАНЕНИЕ ВИДА

Лет восемь назад в верхнем углу фронтона нашего дачного дома пара ласточек свила (вернее, слепила) гнездо. Самка села на яйца, самец подкармливал ее. Когда вылупились два птенца, они стали полными хозяевами гнезда. Родители только успевали удовлетворить их голод.

Ближе к осени птенцы начали делать попытки взмахнуть крыльями, вылететь из гнезда. Осознав это, родители стали помогать детенышам сделать первый пробный полет. И здесь, к моему удивлению, родителям стали помогать другие сородичи, выделявая около гнезда настоящие акробатические фигуры в воздухе.

В результате совместных усилий птенцы совершили первые полеты.

Как показали дальнейшие наблюдения, коллективная заинтересованность родичей в успехе первых полетов птенцов объясняется еще и тем, чтобы обезопасить жизнь молоди от посягательств хищных птиц. Я не раз следил за «воздушными боями» ласточек, коллективно атаковавших молодого ястребка, покушавшегося на жизнь птенцов. И что характерно, победа всегда была на стороне ласточек.

Видимо, чувство сохранения вида глубоко заложено в генах этих птиц.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ФИЕСТА

Перестройка. Распад колхозов, совхозов. Распродажа общественной собственности. Кое-где объекты собственности колхозов остались непроданными, на долгие годы забытыми.

В деревне Войцы, на единственном острове в Ильмене, в 1990 году остались два таких объекта: сетехранилище с рыбацким инвентарем и племенной бык. Но если сетехранилище быстрехонько разобрали на дрова, сети – на временные заборы на огородах, то бык, забытый собственниками, оставался на балансе жителей деревни. Ухаживала за ним и кормила его бывшая колхозница Капитолина. Бык ходил за ней по селу след в след, как собака. Остальных островитян бык не выносил напрочь. Это порой приводило к смешным, а то и опасным ситуациям.

Один такой случай происходил на наших глазах. Был теплый летний вечер. После череды повседневных дачных забот я отдыхал на лавочке у своего деревенского дома, который расположен рядом с главным сельским перекрестком. Делая последнюю затяжку, я обратил внимание на шум и крики, доносившиеся из-за угла. Спустя доли минуты из-за поворота пулей вылетел сосед Иван Быстров. Открыв калитку, он забежал на свой участок. Закрыв за собой створки, скрылся в доме.

Следом бежала, повизгивая от страха, жена Ивана Тоня. Тем же путем, что и муж, она добежала до колодца, пристально вглядываясь туда, откуда только что убежала. Не заставив себя ждать, из-за угла появилась мать Ивана, женщина лет шестидесяти. С внуком на руках, она бежала гораздо быстрее сына и невестки. В десяти метрах сзади за ней бежал бык.

Времени на то, чтобы открыть калитку, у тети Анны не оставалось. И здесь произошло то, во что я до сих пор не могу поверить, хотя и был тому свидетелем. Старушка, не снижая скорости, держа внука в левой руке, правой перекрестилась и, словно на стадионе, перепрыг-

нула через забор. Не удержавшись на ногах, упала в борозду картофеля и, не выпуская из рук внука, залегла там.

Бык от неожиданности остановился, как вкопанный, как и я, не веря в происшедшее. Тяжело дыша и оглядываясь по сторонам, он решал, как повести себя дальше. Заметив меня на лавочке, медленно повернулся и стал приближаться ко мне. Я понял, что пришло время срочно ретироваться.

Зайдя в дом, взял жену за руку и подвел к окну, выходящему на улицу. В это время бык подошел к нашему палисаднику, злыми глазищами выискивая очередную жертву и, не найдя ее, начал чесаться боком об угол. Не поверите, бревенчатый дом зашатался.

Татьяна ойкнула.

Спустя пять минут подошла Капитолина и повела своего подопечного в сторону фермы.

С того дня Иван стал объектом самых фантастических и анекдотичных побасенок. А тетку Анну прозвали не иначе, как чемпионкой деревни по прыжкам в высоту.

« « «

А еще в деревне был огромный (выше, чем мне по пояс) козел с выпуклыми желтыми глазами. Двое взрослых мужиков длительными тренировками научили животное при виде прохожего догнать его, опереться передними конечностями на грудь, заглянуть своими дьявольскими глазами в лицо человека. Козел не бодался, не приносил человеку никакого урона. Только пристально всматривался в глаза.

Ощутив однажды на себе этот дьявольский взгляд, женщины не подпускали его близко. Узрев рогатое чудо, они от мала до велика меняли маршрут и ускоряли шаг. Иногда им приходилось переходить на бег.

А однажды Магуришна, женщина лет шестидесяти, убегая от козла, запнулась и упала. Тот стал на нее передними копытами и гордо поднял морду, как победитель бойцовского турнира. Так женщина пролежала на земле под стражей рогатого чудовища более получаса, боясь шелохнуться. Освободил ее подвыпивший сосед, отпустивший по этому поводу скабресную шутку.

Жалобы женщин на козла сделали свое дело. Хозяину пришлось выслушать нелицеприятные упреки. И пока жена с сыновьями были в городе, лишил козла жизни, снял с него шкуру и прибил ее снаружи на стене дома.

Чтобы женщины не забывали о потенциальной опасности.

КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ

В 1980 году в составе туристической группы я был в Югославии. Особенно нам понравилось на побережье Адриатики в Будве Бечичи. Мы подолгу плескались в теплой бирюзовой воде, загорали, лежа на прогретой солнцем гальке.

Дальше всех в море заплывал хорошо физически подготовленный парень – не хочу называть его, поскольку он занимает высокий пост в местном спортивном комитете. Я для себя решил в очередной раз не отстать от него, чтобы произвести впечатление на симпатичную девушку, которую все называли Мышкой. Но получилось так, что в тот заплыв отправились втроем. Мышка не захотела оставаться на берегу.

Плыли медленно, наслаждаясь сказочной водой Адриатики. Переговаривались. Делились ощущениями. И вдруг...

Вдруг вода рядом с нами разверзлась. Вынырнувшая огромная, как мне показалось, туша вновь опустилась в бирюзу воды, обдав меня обильными брызгами. «Акула», мелькнуло в голове, и я мимо воли ушел под воду. Глотнув соленой воды, вынырнул, откашлялся и осмотрелся.

Прошло не более минуты. Но за это время ситуация кардинально изменилась. Мой спортивный партнер по заплыву, включив предельную скорость, уже отмахал треть расстояния до

берега. Мышка счастливо смеялась, пытаясь погладить плававшего рядом дельфина. Да, это был дельфин.

Несмотря на не до конца прошедший испуг, я сделал вид, что поддерживаю игру, затеянную девушкой.

Дельфин уплыл в море по своим делам, а мы с Мышкой медленно доплыли до берега.

Все происходило на глазах отдыхающих. Среди них были и туристы из нашей группы.

Не хотел бы я после этого оказаться на месте пана спортсмена. Его бегство, и особенно то, что он оставил в потенциальной беде девушку, явились основой многих обидных шуток и анекдотов. Авторитет спортивного парня был подорван окончательно.

На меня же отчего-то все чаще стали поглядывать девушки из нашей группы.

Знали бы они, что в основе моего героизма были самый обыкновенный страх и большой поток морской воды.

БАГУЛЬНИК

Клуб дивизии морской пехоты расположен у подножья сопки на границе между воинской частью и жилыми домами. В мае склон сопки становится розовым от цветущего багульника.

Зная особенности этого дальневосточного растения, я приготовил сюрприз для любимой девушки. Рано утром, до подъема, забрался на сопку повыше, срезал десятка два тонких, еще не расцветших прутиков и сразу завернул их во влажную тряпицу.

К девяти утра был уже на почте. Сдал хорошо упакованный багульник авиапочтой. Максимум через двое суток эту посылку должна раскрыть в Калуге та, для кого предназначена была эта нежная дальневосточная красота.

« « «

Спустя месяц, когда я вернулся из армии, то узнал, что моему багульнику были рады девушка, для которой он предназначался, и...ее новый любимый.

ГОЛОД – НЕ ТЕТКА

Это были рыбалки со льда в разные годы. Объединяло их одно – большой снег и низкая температура. Птицы, оставшиеся в районе Ильменя на зимовку, голодали. Для того, чтобы выжить, они кардинально изменили свое поведение. У них изменились заложенные в гены запреты и даже чувство самосохранения. Судите сами.

Чтобы противостоять холоду, я хлебнул из фляжки свои сто граммов и закусил бутербродом с салом. Шкурка у сала была жесткая, не поддающаяся зубам. Пожевав, я выплюнул ее на лед у своих ног. В это время хищник ударил по блесне. Я вытащил из лунки приличного окуня. Сняв его с крючка и бросив в рыбацкий чемоданчик, с крайним удивлением заметил, что, несмотря на мои резкие движения, к выброшенной шкурке сала подлетела синица и, не обращая на мои действия никакого внимания, интенсивно выклевывала из кожицы крупинки жира.

За время той рыбалки я подбросил синице еще один кусочек сала. В течение двух часов птичка раз семь подлетала ко мне, чтобы подкормиться. Кажется, мы тогда даже подружились. Как говорится: голод – не тетка.

« « «

Другая зимняя рыбалка состоялась годы спустя. Опять: высокий снег, низкая температура. Давление атмосферы не менялось уже несколько дней, а потому клев был отменный. Крупного окуня и щучек я клал в рыбацкий ящик. Мелких окуньков бросал рядом с собой на лед.

Подлетела ворона и начала скакать рядом, метрах в трех от меня. Я решил провести эксперимент. Взял в руку маленького окунька и протянул его в сторону вороны. Та остановилась на месте, повернула голову одним глазом оценивая обстановку. Сделала один, второй прыжок

ко мне. Вновь постояла и вновь прыгнула ко мне. Рассчитав расстояние, сделала самый длинный прыжок, схватила из моей руки окунька и отлетела на безопасное расстояние. Наступив на рыбку одной ногой, начала рвать его клювом, пока не съела полностью.

Таким образом ворона съела семь окуньков. Последних двух рыбок она брала из моих рук, совершенно не опасаясь

« « «

И третий случай. Я рыбачил на льду далеко от берега водоема. Пришло время перекусить. Остатки черного хлеба отбросил в сторону. Минут через пятнадцать с разведочным полетом возле моей лунки появился голубь. Сев на лед около краяхи, он долго наблюдал за мной, прежде чем начать пиршество. Немного поклевав мякиш, голубь неожиданно взлетел и пропал вдали. «Наелся» – подумал я. Но ошибся.

Вскоре к куску хлеба подлетел уже знакомый мне голубь с подругой. Под его наглядом партнерша без тени страха стала клевать хлеб. Затем к ней присоединился мой знакомый. И вновь неожиданно улетели.

Дальше – больше. Третьим заходом ко мне подлетела уже стайка голубей. Доклевав хлеб, они еще долго ходили по льду рядом, как бы ожидая подачи. К сожалению, продовольственных запасов у меня уже не было.

Оказалось, что голуби, в отличие от синиц и ворон, более коллективное сообщество. Но все птицы переступили чувство страха, чтобы не погибнуть от голода.

СНЕГА

После покупки дома под дачу на острове Войцы, что в Ильмене, первым нашим знакомым из местных жителей стал бывший колхозный бригадир пенсионер Петр Михайлович. Боясь упреков, а то и скандалов жены по поводу частых выпивок, он зачастил к нам, захватив с собой бутылку водки. Татьяна ставила ему рюмочку, и он за полчаса–час выпивал принесенное содержимое, забавляя нас местными новостями, давая, как потом оказалось, дельные характеристики сельчанам.

Но уважать нас по-настоящему он стал после того, как выпив под ночь очередную бутылку не дошел до дома, а упав по пьяни, проспал в нашем садочке почти до утра.

Выходя из дома на рыбалку, я вдруг заметил в траве наручные часы. Командирские. А, значит, Петра Михайловича. По пути зашел к нему домой и застал ссорящихся супругов. Жена отчитывала своего выпивоху за потерю часов. Я прервал поток брани, вручив хозяину потерю. Элементарная честность оказалась решающей для Петра Михайловича в оценке моей личности. Он даже стал называть меня не просто Валерием, а Валерием Чкаловым.

Постоянные контакты с бывшим бригадиром позволили установить добрые отношения с его собакой – белым шпицем Снегой. Собака воспринимала меня, как доброго знакомого.

Номер, с которым выступал Петр Михайлович при первой же возможности- демонстрация умственных способностей Снеги. Хозяин вынимал из кармана карамельку в обертке и бросал собаке. Та становилась лапкой на край фантика, а зубами тянула за другой ее край. Затем без труда разматывала обертку и с удовольствием хрумкала карамелькой.

Но нельзя сказать, что Михайлович баловал собаку. Частенько, уходя на лодке на рыбалку далеко от дома, он брал с собой Снегу. Ставя сети, вынимая из них рыбу, совсем не заботился о собаке. А та, почуяв землю, покидала лодку и убегала по своим собачьим делам. Хозяин, не дожидаясь Снеги, уплывал в другие заливы, на другие острова. Возвратясь домой, даже не вспоминал о своем хвостатом друге.

Иногда в тот же день, иногда на следующий, а то и через несколько дней Снега, как ни в чем не бывало, появлялся у дома.

Но судьба хранила собаку недолго. Петр Михайлович умер от инфаркта. Его жена по пьянке упала зимой в снег и обморозила руки. Ее положили в больницу. Снега остался один.

Выпрашивал у местных жителей мелкие подачки. Стали его замечать роющимся на помойках. А когда на лед выезжали рыбаки из города, долго простаивал возле их лунок, дожидаясь кусочка хлеба, а то и колбасы.

Хозяйку выписали. Снега вновь стал домашним псом. Но ненадолго. И эта хозяйка оставила его, переселившись на местное кладбище.

Вот здесь-то я не выдержал, решил принять участие в судьбе Снеги. Дело в том, что сын покойницы приезжал в Войцы только на выходные. А пять рабочих дней становились для собаки голодными. Собственно, у него я и выпросил собаку. Понадобилась неделя, чтобы Снега почувствовал наш дом своим. После трудных дней он долго отъедался, отсыпался. Потом стал сопровождать меня на зимние рыбалки, облаивая каждую проезжавшую рядом машину.

Пришел день, когда я взял его в город. Оказалось, что Снега первый раз в жизни ехал в автобусе. Когда тот тронулся, шпиц напрягся у меня на коленях, уставился в окно и взвизгивал от удивления, видя пролетающие мимо дома, машины, людей. Да мало ли что он в тот день видел впервые.

В нашем городском доме долго привыкал к лифту, к тому, что его «дом» находится на пятом этаже. К тому, что гулять надо в ошейнике и на поводке. Он смирился со всем новым, каждый день преданно заглядывал мне в глаза.

Зато, когда мы возвращались на дачу, то не доходя с километр до Воец, я спускал Снегу с поводка. Учув родные места, он бросался вперед и исчезал из поля зрения. В доме появлялся только в вечерних сумерках.

Так продолжалось больше года. А затем у Снеги стало сдавать сердце. Несколько раз продляли его жизнь уколами камфары. Обошли с ним местных ветеринаров. Их резюме: собака уходит. Сердце – хуже некуда. Да и откуда у этой собаки могло быть здоровое сердце при такой собачьей жизни.

Снега упокоился в нашем городском доме. На его мордочке застыла гримаса преодоления мучительной боли.

Была весна. Мы привезли тело Снеги в Войцы, на его родину и похоронили под яблоней, где было его место ожидания нас в трудные для него времена жизни.

МАШКА

Зимой, в конце недели, жена принесла с работы крохотный пушистый живой комочек – рыже-белого котенка.

– Подруга принесла трех котят, чтобы пристроить их в добрые руки, – пояснила Татьяна. – Я не смогла устоять.

И она опустила на ковер это чудо.

Какое-то время котенок обследовал свое новое жилище. Потом неожиданно для нас напрудил среди гостиной лужу. После этого жалобно замыкал, заглядывая нам в глаза. Может, голодный?

Татьяна сбегала к соседке, у которой не первый год жила кошка. Та прочитала нам популярную лекцию по уходу за новым членом семьи. Через день котенок был обеспечен всем необходимым. И приобрел имя – Машка.

Новые сложности начались на даче. Дело в том, что на семьдесят с лишним домов в селе было только две кошки (считая Машку). А «ухажеров» – не сосчитать. Вот почему старшая товарка в порыве ревности стала гонять Машку, рвать ее, слившись в клубок. Я мог защитить ее только на территории нашего садового участка. Она поняла это и, практически, перестала выходить за его пределы.

И вновь беда. Пропала Машка. Обыскали весь дом, все село – бесполезно. Татьяна продолжала поиски, а я тем временем укреплял стену нашей «развалюхи», забивая в стену

длинные металлические болты. И произошло чудо: из кучи мусора, старого барахла, шатаясь, вышла Машка, вся в паутине.

Пригласили фельдшера, отдохавшего у соседей. Осмотрев животное, он пришел к выводу, что Машку сильно ударили по голове. Скормил кошке несколько таблеток и развел руками:

– Сделал, что мог. Теперь надежда только на силу сопротивления организма.

Организм справился. Постепенно Машка пришла в себя. У нее появился аппетит. Стала гонять птичек, «дежурить» у мышиных нор. И бесполезно.

Однажды вечером, не дождавшись гулявшей где-то кошки, мы легли спать, оставив для нее открытым окно. Татьяна заснула, а я продолжал прокручивать в уме предстоящую завтра работу. С удовлетворением констатировал, что в дом вернулась Машка. Сначала она царапалась по стене, затем спрыгнула с подоконника на пол и, мягко прошествовав до кровати, без усилий забралась на нее, привычно разместившись у жены на груди.

«Ну вот, все на месте», – констатировал я и стал засыпать. Как вдруг...

Ночную тишину разорвал пронзительный, наполненный отчаянием, страхом крик Татьяны. В доли секунды жена спрыгнула с кровати в одну сторону, Машка – в другую. Я включил свет: жена стояла в кресле, озираясь по сторонам, а кошка ошалело выглядывала из-под стола. В кровати лежала задавленная Машкой мышь. Это был подарок от души, сделанный хвостатым членом семьи моей благоверной.

Как-то жена стала замечать, что кто-то на грядке надкусывает огурцы. Посетовав, что пропадает столько овощей, мы в недоумении отложили эту тему до выяснения личности вредителя. Через несколько дней, выйдя утром во двор, я был поражен открывшейся картиной: в огородной меже лежала Машка, обняв передними лапами самый большой огурец, и с наслаждением его грызла. С тех пор в кошачьем блюдечке рядом с рыбой и мясом появились мелко нарезанные огурцы.

Проблем с Машкиным питанием не было. На спиннинг я ловил достаточное количество щук, окуней. Единственное, что напрягало, это обработать рыбу для кошки до состояния филе. Иногда я это делал в присутствии хвостатой питомицы, подбрасывая ей кусочки рыбы без костей. Ну как здесь было не проверить возможности кошки.

Заканчивался второй килограмм окуней, обрабатываемых мной, а Машка все лежала рядом, поглощая кусок за куском. Я, может, продолжал эксперимент, если бы кошка не начала икать и поглядывать на пол. Когда я ее поставил на ноги, то казалось, что в ширину она больше, чем в длину.

Конечно, получил нагоняй от жены за проведенный эксперимент, но на всю жизнь уяснил, что кошки – жадные твари. Они всегда готовы съесть столько, сколько рядом с ними. Разве вы не замечали, с какой жадностью сытая кошка наблюдает за вашим обедом?

Как я со временем понял, Машке нравилось жить на даче, на природе. Город же наводил на нее тоску несвободой, поводком, невозможностью охотиться, найти «ухажера». А потому почти каждый раз перед отъездом в город кошка пряталась от нас. Иногда так, что мы не могли ее отыскать. В таком случае жена вынуждена была оставаться в селе до прихода очередного автобуса.

Шло время, росла и взрослела наша любимица. Сначала она доказала свою силу соседской кошке, отбив у нее соседского Кешу. Дошло до того, что в борьбе со мной за Машку он проколол своими когтями мои новые рыбацкие сапоги.

А потом у Машки появились пятеро котят. Надо было видеть, как она за ними ухаживала, за шиворот переносила с места на место, пряча от посторонних взглядов. Однажды к нам в гости пришел сосед с огромным палевым Диком. Увидев собаку, закрывшую ей проход к котяттам, Машка сначала остолбенела, а потом, резким движением оттолкнувшись от стены, прыг-

нула ей на загривок, вцепившись в тело когтями. От боли Дик взвыл и бросился вон из сеней. А Машка медленно, с гордостью прошествовала по отвоеванной территории к своим котяткам.

Одного из котят мы отдали своим друзьям. Они часто бывали у нас на даче. А однажды взяли с собой уже повзрослевшую Машкину дочь. В этот период у Машки вновь были котята. Чувствовалось, что ей уже прилично надоела роль мамыши. И что бы вы думали, мы увидели? Обнюхав приезжую, Машка признала в ней свою дочь и подтолкнула ее к котяткам. К нашему удивлению, та легла рядом с котятками и начала их вылизывать. А мамаша шмыгнула мимо нас на улицу. Домой явилась ближе к полуночи.

Машка жила у нас двенадцать лет. Говорят, это средний возраст котов. Не знаю, так ли это. А вот в чем я уверен, так это в том, что каждый прожитый у нас год был для Машки счастливым.

СЕРПЕНТАРИЙ В БРУСНИЧНИКЕ

Поселившись в Новгороде, мы, как и все нормальные люди, не могли не стать грибниками и ягодниками. Практически каждый выходной редакция выделяла машину для любителей тихой охоты. И каждый раз кто-то из любителей лесных прогулок заводил разговор о змеях. Мол, в таких поездках надо быть особо осторожным, чтобы не укусила змея. Однако в течение года я не встретил в лесах и болотах ни одного гада. А потому считал подобные рассказы преувеличением.

Очередная поездка была в район деревни Малиновка за брусникой. Все разберлись по сухому болоту, часто меняя места сбора – ягоды было мало.

Мы с Володькой решили перекусить, расправить спины. После ста граммов с бутербродами закурили, обсуждая, куда пойти дальше. В этот момент к нам подошел мужчина не из нашей компании.

– Ребята, огонька не найдется?

Володька протянул ему зажигалку. А меня поразило состояние подошедшего: бледное до серости лицо, бегающие глаза, трясущиеся руки.

– Что с вами? – спросил я.

И вот что выяснилось из его рассказа.

Там, откуда он пришел, ягоды было заметно больше. А потому собирал бруснику не по яголке, а «сдаивая» ее с веточек. Чтобы не поранить руку, он отодвинул торчавший среди ягоды серый сухой сучок. Только собрался протянуть руку к бруснике, как сучок стал на старое место. Он вновь отодвинул его. А сучок, как Ванька-Встанька, вернулся назад.

– Я уже хотел отломать его, – продолжал мужчина, – когда сообразил, что это вовсе не сучок, а хвост змеи. Одним словом, мне здорово повезло.

Попрощавшись с нами, парень пошел в сторону остановки автобуса. Мы посмотрели друг на друга, понимая, что думаем об одном и том же. Володька тяжело вздохнул и, как бы давая ответ на мой немой вопрос, констатировал:

– Хоть там, как сказал парень, много ягоды, я не склонен идти туда. Боязно.

Я с ним согласился. Мы остались на месте.

« « «

Следующей осенью мы с женой на рейсовом автобусе поехали за брусникой опять в район Малиновки. Прошли от остановки метров двести и по тропинке двинулись вглубь уже знакомого болота. Вокруг буйствовала осень: желтая трава, желто-зеленые кусты, ярко-красные листья. Нас обогнала семья – отец, мать и двое детей.

Решили не спешить, не обгонять конкурентов. Медленно продвигались к знакомому болоту. И вдруг меня будто током пронзило, будто парализовало. Я не мог сделать ни шага. Прямо передо мной на тропе лежала большая серо-желтая змея, свернувшаяся клубком. Татьяна тоже увидела, какая опасность нас поджидала. Отошли назад от змеи шагов на десять,

остановились. Решали, что делать. Жена вспомнила, что сегодня двадцать седьмое сентября, церковный праздник Воздвижение. В этот день в лес не ходят. Там господствуют змеи. Честно говоря, струхнули. Пошли назад, но не по тропинке, где встретили еще одну змею, а напрямую к остановке через поляну с увядшей травой.

Я был в заколениках, шел первым, шоркая ногами по траве. Из-под ног порой вправо и влево расплзались мелкие змейки. Сзади время от времени ойкала Татьяна.

К остановке пришли и глубоко с облегчением вздохнули. Закурили. Руки у обоих дрожали. И здесь же дали друг другу слово никогда больше в Воздвижение на природу не выезжать.

« « «

Так развеялись иллюзии, что рассказы о змеях просто пустые разговоры. Особенно после того, как мы с женой побывали в брусничном серпентарии.

Глава 3. Великая Отечественная

БОН-БОН

Мой отец с первого до последнего дня прошел дорогами Великой Отечественной от Сталинграда до Кенигсберга. В составе седьмой гвардейской на волжском пяточке он был начальником артиллерийской разведки бригады. Но так как эти функции в тех условиях были не востребованы, отец временно исполнял обязанности оперативного дежурного в штабе бригады. Эта должность, как он был уверен до конца жизни, напрямую была связана с Его Величеством Случаем. На примере двух рассказанных им эпизодов попробую обосновать правоту его мыслей. Так это или нет – судить вам, читатель.

В одно зимнее утро отец заступил на дежурство. В штабе бригады он застал такую картину. В землянке в отвесном берегу Волги шел допрос взятого накануне в плен итальянца. Переводчик задавал рядовому в форме вермахта вопросы, сформулированные офицером особого отдела. Тот, вытянувшись по стойке «смирно», обстоятельно отвечал: имя, фамилия, часть, ее месторасположение, снабжение, моральный дух и т.д. Чувствовалось, что итальянец говорит предельно откровенно, не утаивая даже мелочей.

Допрос закончился. Особист собрал листки с записью собранных сведений и направился к выходу из землянки.

– Капитан, – обратился отец к особисту, – а с итальяшкой что делать? Ведь он в вашем ведении.

– А он мне не нужен. Что, я с ним за Волгу поплетусь? Охренел, старлей...

– Нам он тоже без дела.

– Ну так шлепните его и всех делов.

– Это не в моей компетенции. Решай вопрос, капитан, с руководством.

Чертыхнувшись, капитан исчез за натянутым брезентом, где располагались начальник штаба и его работники. Через несколько минут особист, не говоря ни слова, покинул землянку. Из-за брезента вышел начальник штаба и, сморщившись, как от боли, проговорил:

– Вот так всегда. Вся грязная работа на нас. Но что им, особистам, докажешь? Лучше не связываться.

Помолчав, начштаба обратился к отцу:

– Я вызвал наряд. Командуй, Гвардия.

Гвардия – это военное прозвище отца, данное за то, что, не снимая носил знак гвардейца с момента присвоения бригаде этого почетного звания.

– Но...

– Никаких «но», Гвардия. Это – приказ. И офицер скрылся за брезентовым пологом.

Все это время итальянец продолжал стоять по стойке «смирно», напряженно следя за происходящим вокруг. В его глазах ясно читалась надежда дальнейшей жизни, которой его, фактически, уже лишили.

С улицы, впустив облако морозного воздуха, зашли два автоматчика:

– Прибыли в ваше распоряжение.

Первым к месту казни шел итальянец, за ним автоматчики, последним – отец. Подошли к наполовину засыпанной яме – там уже были присыпаны мерзлой землей тела нескольких ранее расстрелянных фашистов.

Сообразив, что сейчас произойдет, пленный не потерял еще последней надежды. Указательным пальцем правой руки он постучал по голове, произнес несколько раз: «Муссолини кукуруза».

Этим он хотел сказать, что лидер итальянских фашистов – глупый человек, идеи которого он не разделяет.

Наряд снял с плеч автоматы и стал напротив итальянца. Тот, видя, что его тирада не имела эффекта, пошел на «подкуп». Вынул из кармана грязной шинели несколько конфет и протянув руку в сторону наряда, произнес: «бон-бон, бон –бон», как бы угощая. Это были его последние слова, прерванные автоматными очередями.

Этот случай отец комментировал следующим образом. «Фашист есть фашист. Не поверю, что он не убивал наших солдат. Поэтому угрызений совести не испытываю. Но вот что знаменательно: именно во время моего дежурства произошел этот случай. Ведь могло быть иначе».

Как могло быть иначе и в феврале сорок третьего в том же штабе седьмой гвардейской.

Наши войска завершили окружение под Сталинградом частей под командованием фельд-маршала Паулюса. Разведка донесла, что Паулюс и его окружение, находящиеся в подвале разбомбленного универмага, готовы к сдаче. Командир бригады Бурмакин начал формировать группу солдат и офицеров для выполнения поставленной задачи. Отец стал в строй отобранных бойцов. Однако генерал спросил:

– Кто оперативный дежурный?

– Я, – отозвался отец.

– Остаешься на хозяйстве. Если нам повезет – сообщим тебе. Ты – срочно Чуйкову.

Паулюса арестовали. Осаду Сталинграда сняли. Чуйков с Паулюсом подняли тост за участников самой большой битвы в истории войн.

« « «

Слова отца: «Видишь, опять случай. В тот исторический день я опять был дежурным и остался статистом. А могло все быть иначе. Но я не жалею, доволен своей жизнью. У меня и моих сверстников есть главное – мы поколение Победителей».

КОМЕНДАНТ ТУЛЬЧИНА

Седьмая гвардейская с боями все дальше продвигалась на запад. Порой немцы отступали практически без боев. Так произошло и под Тульчином. Передовые части намного опередили тыловые.

Перед командованием остро встал вопрос: на кого оставить город до прихода тыловиков? И опять, как и в Сталинграде, не повезло отцу. В наступлении без артиллерийской разведки можно было обойтись. Так отец стал первым после освобождения комендантом Тульчина. В подчинение ему дали двух солдат.

Далее привожу по памяти рассказ отца.

«Комендатура расположилась в брошенном частном доме. Одну из комнат оборудовали под приемную.

Другую – для отдыха. Две оставшиеся под склад и оружейную.

Первым делом я издал два приказа: о сдаче оружия и запрещении самогонварения. Рядовой одним пальцем отпечатал их на машинке и вывесил в самых людных местах.

На следующий день нам сдали одно охотничье ружье, револьвер, несколько гранат и два немецких карабина.

Рейд моего помощника с автоматом по частному сектору принес свои плоды – два двадцатилитровых бутыля с мутноватой жидкостью

На следующий день утром, когда я брился, в комендатуру вбежал взволнованный помощник:

– Товарищ капитан, беда на вокзале. Вот-вот состоится смертоубийство.

– Что случилось?

– Наша пехота, следующая на фронт, обнаружила в одной из цистерн спирт.

Через десять, максимум пятнадцать минут мы были на вокзале. Действительно, в тупике, возле одинокой цистерны, была давка. Бойцы пытались штурмовать единственную лестницу, ведущую к открытому наверху люку. У кого были ведра, у кого бидоны, у кого фляги. Несколько человек, не поделившие места в очереди, зло мутузили друг друга. Окружающие их отпускали скабрёзные реплики.

Что делать? Решение надо было принимать без раздумья, срочно. Иначе ситуация могла перерасти в перестрелку.

Вынув из кобуры револьвер, выстрелил в воздух:

– Я комендант города! Слушай мою команду!

Это произвело эффект неожиданности – настоящая сцена из «Ревизора». Толпа замерла. Воспользовавшись моментом, я сообщил солдатам, что спирта хватит всем. Я разрешаю наполнить их емкости. Однако требую установить очередь подхода к лестнице цистерны. Во всем должен быть порядок. После чего поставил у лестницы своего помощника, а сам залез на цистерну к люку.

Первым ко мне поднялся, держа в руках ведро, пожилой усатый сержант. Став на колени, он опустил ведро в люк, оттолкнул там что-то в сторону, наполнил ведро и вытащил его наружу. Я поинтересовался:

– Что там плавает?

– Да один дурак из наших поспешил, не удержался и нырнул.

Я заглянул в люк. На поверхности спирта плавал труп молодого парня с погонами рядового.

Обернувшись к сержанту, я не удержался от вопроса:

– Как же ты после этого пить будешь?

– Да ничего страшного. Проспиртовался

Довольно улыбувшись, он спустился на землю.

С помощью желающих «живой водицы» мы вынули труп из цистерны, спустили на землю. Минут через двадцать его забрали однополчане.

Спустя час отоварилась вся очередь. Я опечатал цистерну и заставил железнодорожников, несмотря на нехватку паровозов, перевезти цистерну к самому помещению вокзала под личную ответственность начальника станции.

Для меня этот случай стал одним из символов войны: ужасная привычка к смерти, ставшая чем-то обыденным, привычным, естественным.

« « «

Ну, а мое комендантство завершилось уже на следующий день с приходом тыловиков. За мной пришла машина из части. Через несколько часов мы с помощниками прибыли в родную бригаду. Начальство выразило мне благодарность за проделанную работу. И особо – за конфискованные самогон и спирт.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОРДЕНА

Шли кровопролитные бои под Сталинградом. Штабные структуры располагались в крутом берегу Волги. Здесь были выкопаны землянки, оборудованы укрытия, хозяйственные постройки.

В перерывах между налетами вражеской авиации берег оживал. Приставали катера с питанием, боеприпасами. Офицеры выходили на свежий воздух пообщаться, перекурить, воспользоваться туалетом.

С одного из катеров на берег сошел курьер из штаба армии. Прежде чем передать пакет, предназначенный для местных штабных работников, он остановился около группы знакомых офицеров. Обменивались новостями, шутили, курящие с удовольствием затягивались табачным дымом.

В это время на западе послышался гул немецких самолетов. Люди, находящиеся под открытым небом, пришли в движение, стремясь как можно скорее спрятаться в привычных норах.

Первый удар немецких бомбардировщиков пришелся на береговую кромку. Вздыбились от взрыва бревна одного из укрытий. В груды металла превратился не успевший отойти от берега катер. И здесь же в небе появились наши истребители. Один из вражеских бомбардировщиков задымил и, потеряв управление, врезался в холодную воду Волги.

Через пять минут воздушный бой прекратился. Из-под земли вышли наши бойцы, чтобы устранить результаты бомбардировки, восстановить укрытия, хозпостройки. На том же месте, что и перед налетом вражеской авиации, собрались офицеры, продолжая смолить папиросы, обсуждая результаты бомбардировки.

Рядом с ними располагался поврежденный ударной волной туалет. На уцелевшем половом настиле над выгребной ямой лежал упавший с креплений брезент.

Спустя некоторое время, стоявшие рядом офицеры заметили, что в том месте, где располагались круглые прорезы в половом настиле, брезент время от времени начал шевелиться.

– Мужики, а ну пошли посмотрим, что там такое, – призвал товарищей один из офицеров.

Брезент оттащили в сторону. Открылась необычная картина. Из одного из отверстий торчали руки, державшие на весу планшет и объемный пакет из серой бумаги с печатями. Офицер стоял по плечи в жидких экскрементах.

Вытащив офицера из выгребной ямы, все узнали в нем курьера из штаба армии. Перед бомбежкой он решил оправиться. Результат этого захода был налицо.

Как потом оказалось, курьер был контужен взрывной волной и провалился под настил. Несмотря на это, сумел спасти документы, предназначенные для местных штабистов и боевые награды для вручения бойцам передовой. В результате действия экскрементов ожоги тела офицера составили пятьдесят процентов. С первым же катером его переправили через Волгу в госпиталь.

« « «

Как потом выяснил отец – участник тех событий – за проявленное мужество, спасение важных документов и боевых наград офицер был награжден орденом Красной Звезды.

И такое на войне бывает...

СЛЕЗЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Мою мать за связь с партизанами угнали в Германию, где она провела два года. Работала в частной пекарне, на заводе, производящем снаряды, в концентрационном лагере. В сорок пятом ее освободила наступающая Советская Армия в Данциге. Кратко привожу рассказ матери об освобождении женского лагеря.

С утра стали слышны раскаты артиллерии. В воздухе появились самолеты. Охрана нашего женского лагеря, расположенного в пригороде Данцига, обеспокоенно стала собираться в мелкие группы, что-то оживленно обсуждая.

На следующий день заключенных не повели на работы. Покормили только раз за день. Видимо, затормозил конвейер доставки продуктов. Канонада приближалась.

Еще через день мы проснулись и с недоумением, чувством облегчения увидели, что лагерной охраны нет. Стало ясно: солдаты, не получив приказа, как поступить в данном случае, оставили нас на волю судьбы, а сами поспешили унести ноги от стремительно наступающих наших частей.

Собравшись все вместе, обсудили положение. Остаться в лагере – означало возможность подвергнуться бомбардировке как нашей, так и немецкой авиации. Уходить – но куда? Предложения были разные. Общего мнения не удалось достичь. Решили, что каждый волен поступать сам по себе.

Я и несколько моих подруг пришли на окраину города и спрятались в подвале дома, уже покинутого жителями. Там просидели несколько дней, питаясь сэкономленными заранее продуктами: хлеб с опилками, сырая брюква. Воду брали из емкостей, заготовленных покинувшими дом жильцами.

Освободили нас пехотинцы. Дверь подвала распахнулась, и пожилой сержант окликнул: «Есть кто живой?» Видимо, уже встречался с нашими пленными, прятавшимися в подвалах.

– Есть, есть, – завопили мы, бросаясь навстречу избавителю.

Он вывел нас на улицу и довел до площади, на которой уже были собраны сотни полонянок. Откуда-то подвезли полевую кухню. Бойцы вволю накормили нас кашей. К чаю выдали по большому ломтю хлеба. Здесь мы провели весь световой день. А вечером, построив нас в колонну, два автоматчика сопроводили на территорию того самого немецкого лагеря, узниками которого мы были несколько дней назад.

А сколько слез радости освобождения было пролито женщинами в этот день, сколько поцелуев подарили девушки нашим бойцам.

В лагере тем временем налаживался новый распорядок дня. Кормили три раза в день. Не разнообразно, но сытно. Особенно в сравнении с рационом гитлеровцев. Остальное время мы были предоставлены самим себе. Можно было все, кроме выхода за пределы лагеря.

В одном из помещений расположились несколько офицеров особого отдела. Туда, согласно заранее составленным спискам, по одной вызывали бывших пленниц женщин. Там побывала и я. Отвечая на вопросы особистов, рассказала кто я, откуда родом, когда и за что была угнана в Германию, где и на каких работах была занята. Кто мои родители, есть ли братья и сестры, где они сегодня.

Все эти сведения, объясняли нам, необходимы для оформления документов и отправки по домам. А кроме того, чтобы отделить от бывших пленниц тех, кто стал «фольксдойч», служил фашистам, забыв о Родине.

В один из вечеров в лагерь въехал закрытый брезентом грузовик «Студебеккер». Из кабины вышел пожилой капитан. Собрав у машины около сотни девушек, он сообщил, что у некоторых из них может появиться возможность уехать домой по ускоренной программе, в течение одного дня. Для этого надо будет поехать с ним в одну из воинских частей, чтобы без очереди пройти собеседование. Там же их и покормят по особому рациону, предусматривающему даже фронтные сто граммов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.